

ДИКИЙ ДОКЛАД ДИКОГО ФОНДА

Один из главных выводов исследования «Государственная поддержка добычи нефти и газа в России: какой ценой?» (см. «Господдержка: цена и цели», НГВ #12'12), подготовленного Всемирным фондом дикой природы и Международным институтом устойчивого развития, состоит в том, что у России есть два пути сохранения своей роли на международных энергетических рынках: экстенсивный либо интенсивный. В первом случае результат обеспечивается за счет разработки новых месторождений, в том числе в Арктике. Во втором — за счет более полного извлечения нефти на существующих месторождениях и высвобождения необходимых объемов УВС на экспорт в результате снижения энергоемкости собственной экономики. Сейчас, утверждают исследователи, очевиден

перекос в пользу субсидирования разработки новых месторождений, что конфликтует с международными обязательствами РФ.

Не отвергая необходимости стимулов поддержания добычи нефти и газа, исследование предлагает задуматься о цене вопроса:

Стоит ли терять многие миллиарды долларов, чтобы считать себя гарантом мировой энергетической безопасности и втянуться в гонку амбиций покорителей Арктики? Может, лучше поддержать программы интенсификации работ в традиционных районах недропользования?

И если доклад служил затравкой для широкой профессиональной дискуссии об эффективности и целесообразности различных видов государственных субсидий, то в «Вертикали» он ее получил: от резкого неприятия до вежливого непонимания. Эксперты «Вертикали» единодушны в том, что деление на «континентального папу и шельфовую маму» искусственно: нормальное государство побеспокоится об обеих половинах целого.

В этом смысле «нормальной» Россию все еще не назовешь, но ныне мы обсуждаем не этот вопрос, а суть субсидий. Появление такого исследования, считают эксперты, есть очередной пример того, как международные экологические организации используются в конкурентной борьбе западными государствами и компаниями: «доклад Дикого фонда» представляет собой образец словоблудия. Так что, во-первых, упаси вас бог принять доклад за чистую научную монету! Во-вторых, сколь долго Россия будет продолжать подставляться и подписывать заведомо вредные конвенции?

Итоги блиц-опроса начнем с обобщенного мнения, выраженного одним из экспертов «Вертикали». Господдержка новых проектов никак не может считаться «субсидированием». Субсидии лишают государство какой-то части доходов, а несуществующие проекты никаких доходов не приносят. От чего тут отрезать? Налоговое стимулирование новых разработок увеличивает доходы, создавая новые источники поступлений, а не уменьшает их. Без налоговых льгот многие проекты вообще не были бы начаты. Точно так же старые промыслы были бы давно ликвидированы без этих льгот и перестали бы приносить доход в казну государства.

Нет никакого противоречия и взаимного исключения между двумя путями — экстенсивным и интенсивным — для сохранения роли России на международных энергетических рынках. Надо ли сохранять эту роль искусственно, ведя бизнес в убыток и госбюджету, и инвестору?

СТАТУС СВЕРХДЕРЖАВЫ? СЫРЬЕВОЙ!

Выбранный вектор отвечает, похоже, единственной главной цели — сформировать в представлении мировых нефтегазовых холдингов новый центр добычи углеводородов на севере России, причем сделать его крупнейшим кластером и в перспективе мировым центром работ на шельфе. Как дополнение — доступ к технологиям, получение инвестиций и т.д. В результате — сохранение статуса энергетической сверхдержавы...

На самом же деле мне видятся риски того, что это лишь сохранит статус России как сырьевой сверхдержавы, поскольку реального технологического рывка не произойдет, несмотря ни на какие научные СП и т.д.

Как пример: строительный сектор у нас растет колоссальными темпами, есть много гигантских по масштабам и сложности проектов, рынок строительной спецтехники достигает \$11–12 млрд в год, но никакие высокотехнологичные производства в машиностроении не получили того

развития, какое могли бы, хотя бы в рамках СП и производства на территории страны. Есть единичные примеры, а по массе все сводится к импорту техники и технологий.

Шельф лишь сохранит статус России как сырьевой супердержавы: реального технологического рывка не произойдет

Нет оснований полагать, что и в случае с нефтегазом, который, тем более на шельфе, мог бы стать мощнейшим стимулом для развития нескольких смежных отраслей, не ограничится просто добычей на основе иностранных технологий, которые будут экспортироваться в условиях особых преференций по налогам и неналоговым сборам. В результате — только поддержание наполнения бюджета еще на несколько лет без какой-либо поддержки технологическому развитию экономики.

Дмитрий АЛЕКСАНДРОВ

Начальник отдела аналитических исследований
ИГ «УНИВЕР»

ИСКУССТВЕННО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ

Выдвинутое противопоставление, на наш взгляд, искусственно. Во главу угла необходимо ставить вопрос не только об экономической эффективности, но и о технологическом развитии. Технологическое отставание в добыче углеводородов — это один из ключевых рисков развития отрасли. И чтобы его исключить или хотя бы минимизировать, требуются как интенсификация добычи в традиционных районах, так и выход в новые, особен-

но шельфовые. Рано или поздно нам все равно придется идти в Арктику, но если мы не сделаем этого в 2010-е годы, то окончательно лишимся технологической и кадровой базы и в дальнейшем будем зависимы от транснациональных компаний больше, чем страны третьего мира.

Кроме того, субсидирование добычи нефти и газа в новых районах и в традиционных — это все-таки далеко не

одно и то же, как с точки зрения государства, так и самих компаний. Налоговые льготы, направленные на увеличение налогооблагаемой базы, — явление естественное и общепринятое. А проблемы в освоении действующих месторож-

Для минимизации технологического отставания требуются как интенсификация добычи в традиционных районах, так и выход в новые

дений в немалой степени связаны с хищническим характером их предшествующей эксплуатации. В этой связи государство, скорее, вправе выставить отраслевым компаниям счет, а не предоставлять дополнительные льготы.

Алексей БЕЛОГОРЬЕВ

Руководитель Экспертно-аналитического
управления по ТЭК,
Институт энергетической стратегии

САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ФОРСАЖ

Вопрос несколько сужает тему — до выбора между двумя путями форсирования поставок углеводородов на внешние рынки. В то же время задача укрепления позиции государства и повышения доходов отрасли может решаться более гибкими стратегиями.

Например, когда в 80-е годы прошлого века Саудовская Аравия учинила демпинг на нефтяном рынке в целях политического давления на СССР после ввода войск в

Афганистан, возможности ее воздействия на рынок были крайне ограничены. Максимум можно было добиться падения цен на четверть, если бы не противодействовал сам СССР.

В этих условиях наиболее разумной стратегией СССР было бы снижение поставок нефти в страны СЭВ с переориентацией их на покупку дешевой нефти на мировом рынке — с частичным замораживанием собствен-

ных запасов, как это позже сделали США. При такой стратегии цена бы быстро вернулась к пиковым значениям, а доходы СССР снизились бы примерно на 25–30% в течение нескольких лет с последующим триумфальным выходом на старые позиции и выше оных.

Вместо этого предсмертное правительство СССР выбрало тактику форсированного наращивания добычи и поставок, вграв за пятилетку в нефтегазовую отрасль примерно 200 млрд инвестиционных рублей (по эквиваленту — 800 млрд тогдашних долларов или 6 трлн нынешних). В результате были инвестиционно оголены постиндустриальные отрасли, а экспорт нефти существенно вырос. Это привело к троекратному падению цены, а доходы СССР от экспорта углеводородов сократились почти втрое. Экономика такой стратегии не выдержала, и страна обанкротилась.

Аналогичную стратегию форсирования поставок мы видели в середине прошлого десятилетия, когда в РФ тотально применялись разрывы пластов для повышения текущего дебита скважин, что и стало причиной отмеченной в докладе низкой общей извлекаемости по отрасли в целом.

Результатом такой стратегии было, как мы знаем, резкое падение мировых цен на нефть в 2008–2009 годах. Пиарщикам удалось списать это падение на разные привходящие обстоятельства, но реальной его причиной была работа российской нефтянки против собственных интересов путем форсирования поставок.

Существуют различные объяснения постоянной работы элиты СССР и РФ против собственных интересов на рынке нефти. В Европе в частных разговорах экспертного сообщества это принято объяснять расовой неполноценностью русских вообще. Существует также теория, что в силу особенностей культуры русские предпочитают короткие цели долговременным и не способны на стратегически осмысленное поведение, а потому легко манипулируемы. Но если эти объяснения остаются частным делом тех, кто их исповедует, факт работы русской элиты против своих интересов очевиден.

В текущей ситуации наиболее эффективной рыночной стратегией, как и в предыдущих случаях, является ча-

Ничем не ограниченный форсаж добычи — будь то Арктика или Западная Сибирь — приводит к падению цен, что не раз фиксировала история

стичная консервация запасов и сокращение поставок в целях регулирования рынка. Такая стратегия позволила бы отрасли и бюджету получить максимально возможный в текущих рыночных условиях доход, а РФ избежать тех последствий, которые пережил СССР вследствие политики форсирования поставок.

Самоубийственную политику в течение почти 30 лет можно отнести только на счет предпочтения политических обязательств экономическим

Понятно, что такая стратегия требует понимания характера работы рынков, на которых максимизация предложения влечет не максимизацию дохода продавца, а его сокращение в результате падения цен. Стратегии максимизации дохода и прибыли в условиях сегментированных рынков с перекрестной конкуренцией сегментов хорошо изучены в рамках экономической теории.

Более того, можно предположить, что на теоретическом уровне они известны лицам, принимающим решения, или их экспертам. Поэтому факт упрямого проведения самоубийственной политики в течение почти 30 лет сменяющимися друг друга правительствами в Москве можно отнести только на счет предпочтения текущих обязательств перед политическими партнерами экономическим интересам своей страны, своего класса и своего государства.

Евгений ГИЛЬБО

Президент Международной Академии
Гуманитарных Технологий (Вашингтон)

АРКТИКА – НЕ АЛЬТЕРНАТИВА

С нашей точки зрения, путь освоения арктического шельфа ни в коем случае нельзя называть экстенсивным. Сам выход российского бизнеса на шельф, пусть в консорциуме с иностранцами, пусть с иностранными технологиями, пусть через госкомпании кажется нам событием, немного не так, Событием, повышающим эффективность работ по недропользованию и геологоразведке. Для нас слова о формировании «мировой энергетической безопасности» в общем-то не яв-

ляются не чем иным, как красивой политической обложкой возрождения крупных работ по освоению новой (нет, все-таки Новой) сырьевой провинции РФ.

В фокус-листе общественного мнения мы бы оставили проблему экологических рисков шельфовых проектов

Кроме того, хотелось бы поспорить в рамках вопроса об альтернативности арктических проектам работам по интенсификации использования существующих месторождений. Мы полагаем, что не стоит считать эти проекты

альтернативными, а величина преференций шельфовым скважинам полностью объясняется объемами работ, уровнем риска, новизной и интересом к подобного рода изысканиям.

Единственной проблемой, которую в существующей программе освоения шельфа мы бы действительно оста-

вили в фокус-листе общественного мнения, является проблема экологических рисков.

Александр ИГНАТЮК

Начальник аналитического отдела
ЗАО «ИК «Энергокапитал»

АРКТИКА И БАЖЕН: ВЛОЖЕНИЯ В БУДУЩЕЕ

На мой взгляд, в настоящее время в мире проходит пик добычи нефти. Это, в свою очередь, означает, что запасы дешевой нефти, а значит, и дешевых энергоресурсов, истощены.

Это способствует вовлечению в разработку таких малорентабельных запасов, как битуминозные пески Канады, шельфовые месторождения нефти и газа, а также развитию крайне неэффективных возобновляемых источников энергии.

По себестоимости арктическая нефть сопоставима с нефтью, добываемой за счет ПНП на глубоководном шельфе, и является более привлекательной, чем сланцевая нефть. Поэтому, несомненно, нужно продолжать разработку арктических месторожде-

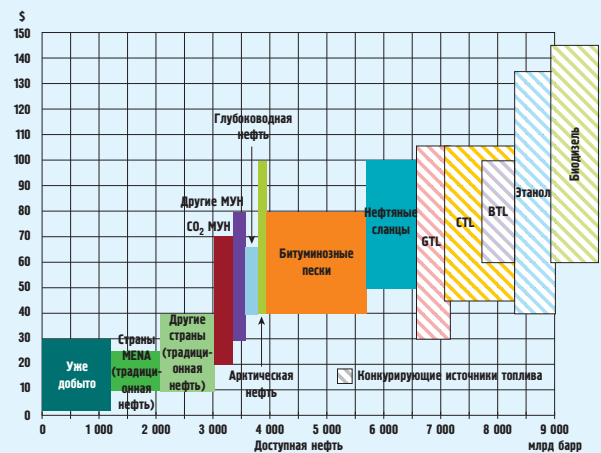
Карта сланцевых бассейнов
(оценка методом стратосферного анализа)

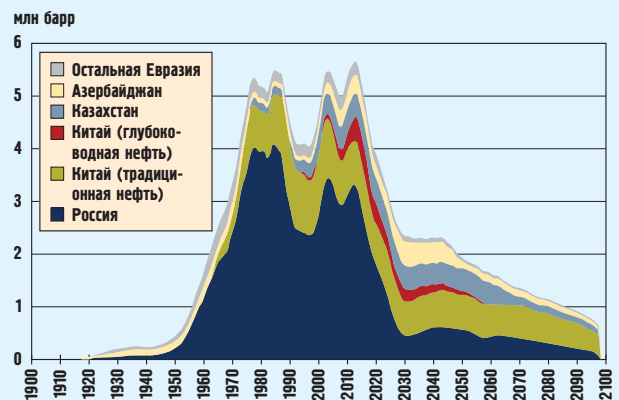
ний с применением новых технологий и налогового стимулирования. Однако стоит осознавать, что экономическая целесообразность такой разработки будет неуклонно снижаться.

При этом интерес всех стран к разработке арктического шельфа будет неуклонно расти, и Россия не может остаться в стороне. Даже если экономическая составляющая в начале проектов будет сложной, развивать эти проекты необходимо, так как по мере иссякания традиционных запасов сравнительная экономическая привлекательность арктической нефти может вырасти вследствие развития инфраструктуры и накопления технологического потенциала. Тем более технологический потенциал накапливается не быстро, а значит, стоит заранее беспокоиться о его развитии.

Стоимость добычи нефти различными методами, включая и основные методы ПНП (по данным европейского агентства IEA)

Прогнозы по уровню добычи нефти на Евразийском континенте

Также и по баженовой свите. Это — вложение в будущее. Накопление технологий и развитие инфраструктуры сегодня — это вложение в энергетический потенциал нашей страны в будущем.

Рустам РАМАЗАНОВ

Директор по развитию бизнеса
Группы компаний «Миррико»

ЛОГИЧНО ДЛЯ БЕНЕФИЦИАРОВ

На мой взгляд, основная проблема в этом вопросе заключается не в том, чтобы считать себя гарантом мировой энергетической безопасности, а в подходах к работе отечественных нефтяных компаний и политике господдержки отрасли.

Во-первых, очевидно, что получить господдержку на новую «модную» идею всегда гораздо проще, чем пытаться доказать, что, в частности, из старой скважины можно попытаться добыть еще какое-то количество нефти.

Не говоря уже о том, что в последнем случае возникает резонный вопрос: что разработчику месторождения мешало постепенно модернизировать оборудование, с тем чтобы также постепенно повышать коэффициент извлечения сырья, перекладывая расходы по инвестициям на добытое сырье?

Во-вторых, общеизвестен факт, что основным бенефициаром разработки арктического шельфа являются

госкомпании, которым оказывать господдержку в российских условиях как-то логичнее, нежели частным структурам.

В результате вполне логично, что в этих условиях государство также не стремится оказывать им помощь

Таким образом, если экономически и не совсем выгодно повышать эффективность уже разработанных месторождений, то объективно у нас пока не сформировались политические условия для поддержки отрасли в целом, а не отдельных компаний. Но виноваты в этом не только чиновники, но и сами нефтяные компании, которые вместо того, чтобы увеличивать капитальные вложения, тратят ресурсы на buy-back, огромные бонусы менеджерам и т.д.

Рушан ЗАРИПОВ

Доверительный управляющий ЗАО ИК «Битца-Инвест»

ИСХОДЯ ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСОБРАЗНОСТИ

Да, вопрос, как говорится, не праздный. На мой взгляд, он напрямую затрагивает энергетическую политику государства, которая, по моему мнению, должна совмещать как экстенсивные, так и интенсивные формы и механизмы развития. Если мы говорим об экстенсивных формах, то, безусловно, это освоение новых районов нефте- и газодобычи. И в настоящее время помимо Восточной Сибири в качестве основного ре-

гиона выступает Арктика.

При этом необходимо отметить, что битва за Арктику имеет не только геополитические (утверждение нашего превосходства в мире), но и геоэкономические основания. На данный момент в Арктике (вернее, на арктическом шельфе) сосредоточено, по разным оценкам, от 5 до 9 млрд тонн нефти и около 10–12 трлн м³ газа. Учитывая уменьшение доказанных запасов углеводородного сырья (и не только в России), развитие арктических месторождений выглядит вполне закономерным.

Но в данном случае стоит сделать две оговорки. Во-первых, развитие Арктики будет происходить в весьма отдаленной перспективе, а во-вторых, будет осуществляться, скорее всего, все-таки исходя из экономической целесообразности, поскольку требует крайне больших инвестиций. Таким образом, развитие Арктики — долгосрочная стратегически важная задача. Но ее решение требует значительных временных и материальных затрат.

При этом важно также отметить, что результат вовсе не гарантирован.

В этой связи на первый план выходит развитие традиционных районов нефтедобычи (прежде всего Западная Сибирь), на долю которых сегодня приходится основная часть нефтедобычи. И в данном случае предоставление субсидий со стороны государства с помощью различных фискальных механизмов (в частности, снижение ставки НДС для выработанных месторождений или некий вариант налоговых вычетов при осуществлении геологоразведки и работ по ВМСБ) было бы весьма логичным.

Развитие Арктики — долгосрочная стратегически важная задача; в тактике же на первый план выходит развитие традиционных районов нефтедобычи

Во многом интенсификация работ в традиционных районах позволила бы не только сохранить нефтедобычу на текущем уровне, но также привнести новые технологии нефте- и газодобычи в отечественный ТЭК (особенно за счет применения ускоренной амортизации). Причем это стимулировало бы не только ВИНК, но и средние и мелкие нефтегазовые компании, которые в настоящее время работают преимущественно на выработанных месторождениях.

Не менее важным механизмом, позволяющим не только интенсифицировать деятельность в традиционных районах недропользования, но и выйти в новые районы,

является субсидирование геологоразведки. Причем государство могло бы развивать ее на основе принципа государственно-частного партнерства, что позволило бы не только разделить риски, но и повысить эффективность контроля.

Кроме того, не лишним со стороны государства также было бы субсидирование деятельности по повышению энергоэффективности, учитывая высокую энергоемкость российской экономики.

Таким образом, программа по интенсификации деятельности в традиционных районах, которая может быть реализована в кратко- и среднесрочном плане, вполне позволила бы решить те задачи, которые в настоящее время стоят перед отраслью.

Андрей КИНЯКИН
Ведущий эксперт
ИА «Финмаркет»

САНИ ГОТОВЯТ ЛЕТОМ

Вообще это — вопрос комплексный. С точки зрения текущего уровня добычи, многомиллиардные льготы для шельфа, конечно, сразу не принесут ощутимого эффекта. Тем не менее, государство должно поддерживать этот проект с долгосрочной точки зрения. Потенциал региона огромен, однако даже на текущий момент не существует технологий для разработки ряда участков Арктики.

К примеру, моря Восточной Сибири, потенциальные ресурсы которых оцениваются в 9 млрд тонн нефти и 10 трлн м³ газа. В мире пока нет подобных технологий, однако прогресс не стоит на месте, и, вполне возможно, их разработка в будущем вполне реальна (стоит вспомнить только революцию сланцевого газа).

Интенсификация добычи в традиционных регионах тоже очень важна, поэтому государству приходится сочетать эти две программы для поддержания текущего уровня добычи в 10,3–10,4 млн баррелей в сутки. Наиболее проблемным регионом по выработанности brownfields является Западная Сибирь, месторождения которой снизили добычу на 30 млн тонн с 2005 года. При этом единственным активом, демонстрирующим рост, остается «Юганскнефтегаз». Правительство уже сделало несколько шагов в этом направлении. Так, введение 60/66 позволило увеличить чистую выручку в upstream на \$4/барр, что увеличивает срок эксплуатации месторождений.

Полагаю, что основные льготы должны быть направлены на увеличение КИН в Западной Сибири, так как

Волго-Уральский бассейн в этом плане отличается лучшими показателями (КИН «Татнефти» 46% против среднеотраслевых 30%). А для этого надо стимулировать разработку более сложных залежей, не рентабельную при обычном налогообложении.

К примеру, при разработке баженовской свиты велика вероятность не попасть в продуктивный пласт при бурении

Надо сочетать как льготы для новых шельфовых проектов, так и стимулирование добычи в традиционных регионах для текущих потребностей

и получить сухую скважину (примерно 4:1), а это значит, что фактически льгота должна компенсировать бурение четырех скважин, из которых только одна будет удачной. Так что простой льготы по НДС здесь вряд ли хватит. А во-вторых, надо стимулировать эксплуатационное бурение, которое в последнее время многие ВИНК не так сильно наращивали, пользуясь благоприятной ценовой конъюнктурой.

Если подходить здраво к долгосрочной стратегии развития отрасли в России, то надо сочетать как льготы для новых шельфовых проектов, которые в долгосрочной перспективе могут стать одним из основных регионов добычи, так и стимулирование добычи в традиционных регионах для текущих потребностей. В целом налоговая нагрузка на отрасль остается очень высокой, и ее небольшое снижение может принести существенное сдвиги в upstream.

Дарья КОЗЛОВА
Аналитик по нефти и газу Rye, Man & Gor securities

В ИНТЕРЕСАХ ГЕОПОЛИТИКИ

Развитие Арктики — вопрос в большей степени геополитический, нежели экономический. Шельф категорически интересен для иностранцев. А значит, под проекты в Арктике возможно привлечение в рамках партнерских соглашений крупнейших мировых нефтегазовых корпораций. Что в свою очередь означает приток капитала и технологий. При этом важно, что разработка

месторождений в этом случае все равно ведется по российским правилам и в первую очередь в российских интересах.

Что же касается интенсификации работ на имеющихся месторождениях, все же необходимо понимать, что дальнейшая разработка определенной доли месторождений уже не рентабельна. А под стареющие отработанные месторождения значительно труднее привлечь новый капитал.

Василий КОПОСОВ
Специалист отдела инвестиционного моделирования
ЗАО «ИК «Энергокапитал»

ПРОСМАТРИВАЕТСЯ ПРИБЫЛЬ – БУДЕТ И ПРОЕКТ

На мой взгляд, вопрос сформулирован некорректно.

Во-первых, господдержка новых проектов никак не может считаться «субсидированием». Субсидии лишают государство какой-то части доходов, а несуществующие проекты никаких доходов не приносят. От чего тут отрезать? Налоговое стимулирование новых разработок увеличивает доходы, создавая новые источники поступлений, а не уменьшает их. Без налоговых льгот многие проекты вообще не были бы начаты. Точно так же старые промыслы были бы давно ликвидированы без этих льгот и перестали бы приносить доход в казну государства.

Во-вторых, я не вижу никакого противоречия и взаимного исключения между двумя путями — экстенсивным и интенсивным — для сохранения роли России на международных энергетических рынках. Надо ли сохранять эту роль искусственно, ведя бизнес в убыток и госбюджету, и инвестору?

В нормальных рыночных условиях единственным критерием для подхода к проекту является его рентабельность. Специфика проекта — такая, как его географическое положение (пусть и в морях Арктики), степень продвинутости (истощенные месторождения или только что открытые) и прочие особенности; но все это остается частным делом каждого инвестора. Просматривается прибыль — будет и проект.

Да, государство может повлиять на выбор «путей» как методами налогового и административного регулирования, так и через свой контрольный пакет акций в отдельных компаниях. Можно построить ненужный трубопровод

Господдержка новых проектов никак не может считаться «субсидированием»: она увеличивает доходы, создавая новые источники поступлений, а не уменьшает их

или инициировать заведомо нерентабельный добычной проект (примеров достаточно). Но никакого отношения к рынку подобные меры не имеют.

Но чаще всего эти проекты отвечают интересам конкретных коррумпированных групп или дружественных подрядчиков, а не абстрактного «государства»

Рассматривать такие начинания с точки зрения интересов страны бессмысленно, если не ратовать за восстановление рыночных отношений советского образца в экономике. Чаще всего эти проекты отвечают интересам конкретных коррумпированных групп или дружественных подрядчиков, а не абстрактного «государства».

Михаил КРУТИХИН

Старший аналитик RusEnergy

ТЩАТЕЛЬНО ВЗВЕШИВАТЬ

В статье очень четко указано отличие двух возможных путей поддержания уровней добычи нефти: экстенсивного и интенсивного. Однако обозначение двух приоритетов как строгих альтернатив путей поддержания уровня добычи углеводородов на текущем уровне было бы некорректным. Речь должна идти, в первую очередь, о необходимых действиях, развивающих и то и другое направление.

Другое дело, что полноценно идти сразу по двум направлениям не получится. И более чем актуальным будет вопрос меры или соотношения двух во многом исключаящих приоритетов.

Для определения меры нужно строить модели развития отрасли на ближайшие годы, а также на более отдаленную перспективу. Затем на основе таких моделей нужно оптимизировать поведение, например, по объемам нефти и газа, извлекаемым в течение длительного периода. Здесь, как и в любой другой перспективной модели, нужно взвешенно подобрать фактор дисконтирования

интересов будущих поколений по сравнению с ныне живущими.

Однако стоит иметь в виду, что за рамками такой модели могут остаться очень важные вопросы сохранения экологии, геополитического соперничества или приобретения отрасли нового для нее опыта работы на арктических шельфах. Геополитика может подсказывать не очень экономически оправданные решения. Например, можно называть экономически убыточными работы и подвиги вековой давности по освоению Арктики и Антарктики. Однако освоение полюса позволило нам правильно

Если в Арктике ничего не делать, то есть опасность, что другие страны нас оттуда будут все более настойчиво вытеснять

понять его привлекательность, расставить приоритеты, грамотно и с осознанием дела отстаивать свои интересы в Арктике, правильно сделать некоторые важные и уже сугубо экономически оправданные шаги.

Аналогично возможные работы на арктическом шельфе сегодня могут помочь оценить что-то очень важное

на более отдаленную перспективу. Но самое главное — более прочно закрепиться в очень перспективном регионе; если там ничего не делать, то есть опасность, что другие страны нас оттуда будут все более настойчиво вытеснять.

С другой стороны, есть опасность сегодняшними не очень умелыми действиями нанести непоправимый

ущерб экологии региона. При принятии решений о приоритетах все подобные вопросы нужно очень тщательно взвешивать.

Николай ПОДЛЕВСКИХ

Начальник аналитического отдела
ИК «Церих Кэпитал Менеджмент»

СУБСИДИИ ОПРАВДАНЫ

Реальные шаги по наращиванию добычи УВ в России как на старых, так и на новых месторождениях делаются. Но вместе с этим еще более быстрыми темпами растут стоимостные нормы, доходы наших компаний, их долги по кредитам, нарастают темпы бегства капитала... Создаются разнообразные, не согласованные друг с другом стратегии, программы, генсхемы, которые слабо влияют на реальное положение дел в геологоразведке, добыче и переработке. Ведутся бесплодные дискуссии о путях развития ТЭК.

В складывающихся условиях говорить о путях сохранения роли России на международных энергетических рынках достаточно трудно. Прежде всего, нельзя допустить падения добычи УВ, необходимо снижать себестоимость. Как этого добиться, если для повышения КИН на старых месторождениях требуются иная техника и технологии (а значит, более серьезные инвестиции в разработку), если реализация новых проектов в сложных природно-климатических условиях оказывается на пределе рентабельного освоения при существующих ценах и ДНС.

По нашему мнению, выход есть. Для повышения доходности отрасли для государства (населения страны) необходимо:

1. Победить коррупцию. Снятие коррупционного налога (свыше 20% от чистого дохода компаний и их затрат) может сделать новые технологии и проекты экономически привлекательными.

2. Умерить аппетиты компаний в части прибылей до 15–17%. В сравнении со средними прибылями отраслей российской экономики (11,15% в 2011 году) наши ВИНК пока получают сверхприбыль (более 32,0%). Это значит, что нефтегазовый бизнес удерживает часть ресурсной и ценовой ренты, которую государство в России не смогло уловить в виде налогов и платежей.

При этом расходы российских ВИНК на добычу нефти остаются много ниже, чем у крупнейших международных компаний и ведущих представителей отрасли в других странах с быстрорастущей экономикой.

Необходимы ревизия и оптимизация мер государственной поддержки проектов, связанных с добычей УВ. Субсидии предприятиям ТЭК должны стимулировать производство ископаемых топлив (по опыту Канады, США, Норвегии), а не служить источником получения сверхприбылей. Нужен разумный уровень фискальной нагрузки. Почему, например, ЗАО «Ванкорнефть» получает нало-

говые преференции при дебитах скважин до 1200 тонн в сутки и себестоимости добычи барреля нефти \$2–3? Как тут учтена природная рента?

3. Стимулировать снижение энергоемкости в промышленности (в том числе более полную утилизацию попутного газа, сокращение технологических потерь и затрат),

С целью сохранения роли России на международных энергетических рынках, прежде всего, нельзя допустить падения добычи УВ

в электроэнергетике и ЖКХ. Возможно, нужны субсидии и потребителям (по опыту Китая, Индии), в том числе для обеспечения экономического роста.

Ссылку на опыт Ирана по реформе энергетических субсидий потребителям считаю некорректной. Нужно приводить не проценты, а сравнивать реальные цены на бензин и дизельное топливо до и после реформы. Задача для непонятливых: в Туркменистане газ для населения

Для этого надо победить коррупцию, умерить аппетиты компаний в части прибылей до 15–17%, стимулировать снижение энергоемкости в промышленности

страны сегодня бесплатный. На сколько процентов вырастет стоимость газа для населения, если отпускную цену установят в \$1 за тыс. м³?

А что Арктика? Решимость наших энергетических компаний осваивать ее шельфы представляется слабо обоснованной. Во-первых, разработка многих арктических месторождений нерентабельна, во-вторых, в мире пока не созданы техника и технологии добычи нефти на акваториях арктических морей.

А что Арктика? Решимость наших энергетических компаний осваивать ее шельфы представляется слабо обоснованной

Наибольшие успехи в разработке Арктических шельфов достигнуты в США: 10 месторождений в разработке из 22 открытых. Все месторождения (самое удаленное от

берега 8–12 км) осваиваются с берега или с насыпных островов.

В Канаде разработка первого арктического месторождения после пробной эксплуатации заморожена (всего открыто 42 месторождения).

В Норвежской части Баренцева моря открыто 35 месторождений, 10 из них — рентабельны для разработки. Но следует заметить, что Норвежское и Баренцево море (норвежская часть) к Арктическим морям можно отнести лишь условно: там практически нет льдов (Гольфстрим).

В России сегодня насчитывается 23 арктических месторождения, часть из которых в заливах и губах Карского моря, многие являются шельфовыми продолжениями месторождений с суши. В разработке пока Юрхаровское, простирающееся с суши под дно Тазовской губы. Месторождение разрабатывается НОВАТЭКом с 2003 года с берега. Сегодня годовая добыча газа — почти 25 млрд м³, конденсата более 2,1 млн тонн. С 2005 года добыча на этом месторождении превышает суммарное производство УВ во всех Арктических регионах мира.

Подготовлено к разработке Штокмановское месторождение, однако начало его разработки постоянно откладывается из-за проблем с экономической эффективностью и технологическими проблемами. Примерно в таком же положении находится и Приразломное месторождение в Печорском море. «Газпром» собирался ввести месторождение в разработку в этом году, но вывести на максимум добычи в 6,5 млн тонн в год — лишь в 2018–2019 годах. Будем рады, если это вообще когда-либо удастся «Газпрому».

В качестве достижений морского строительства в России можно упомянуть Варандейский терминал с объемом отгрузки нефти до 12,5 млн тонн в год.

Остальные программы Арктического шельфа — из разряда проектов на ГРП.

Опыта подобных работ в России мало, но перспективы заманчивы: это проекты на своде Федынского, по Адми-

Это — проекты далекого будущего. Рассчитывать на получение от них большой нефти и газа в ближайшие годы нереально

ралтейском валу, по Восточно-Приновоземельским ЛУ — 1, 2, 3 и др.

Субсидировать такие работы обещаниями по предоставлению определенных льгот на разработку возможных будущих открытий вполне оправдано. Учитывая техническую и технологическую вооруженность наших компаний (даже вместе с Total, Statoil, ExxonMobil и др.) —

Однако субсидировать такие работы обещаниями определенных льгот на разработку возможных будущих открытий вполне оправдано

это проекты далекого будущего. Рассчитывать на получение от них большой нефти и газа в ближайшие годы нереально.

Юрий ПОДОЛЬСКИЙ

Зав. лабораторией ВНИГРИ, д.г.-м.н.

ЕСЛИ АРКТИКА, ТО – ЭКОЛОГИЯ

Прежде всего, я не согласна с главным выводом исследования, что «у России есть два пути сохранения своей роли на международных энергетических рынках: экстенсивный либо интенсивный». На самом деле, для России эти пути вовсе не взаимоисключающие, а взаимодополняющие, и движение только по одному из них может поставить под угрозу ее энергетическое будущее. Ведь другие успешные нефтегазодобывающие страны поддерживают разумный баланс между «экстенсивным» и «интенсивным» путем.

В Норвегии и Малайзии, например, национальные Statoil и Petronas работают над более эффективным использованием ресурсов разрабатываемых месторождений, продлением их продуктивной жизни, повышением КИН и одновременно ведут разведку и запускают проекты на новых нефтегазовых рубежах. При этом, поскольку их собственная ресурсная база стареет, они наращивают запасы, активно выходя за рубеж. Кстати, этот якобы «экстенсивный» путь также требует от компаний высокой эффективности, новаторства и экологической сознательности.

Кроме того, в их инвестиционном портфеле все большее место занимают нетрадиционные углеводороды и альтернативные источники энергии. Так Statoil и Petronas

Успешные нефтегазодобывающие страны поддерживают разумный баланс между экстенсивным и интенсивным путем

работают по всему фронту, чтобы сохранить свое место на мировых нефтяных рынках. А их правительства создают разный, но по-своему благоприятный, инвестиционный режим для «интенсивного» и «экстенсивного» пути. И строго следят за тем, чтобы компании бережно относились к национальному углеводородному достоянию: не

Не проникнувшись новым экологическим менталитетом, может, и не стоит спешить «втягиваться в гонку амбиций покорителей Арктики»?

жгли попутный газ в факелах, не «снимали сливки» с месторождений, не вели разработку недопустимо высокими

темпами, обеспечивали экологическую и производственную безопасность в новых регионах деятельности, т.е. думали о будущем.

Россия же начинает поход в Арктику, будущую нефтегазовую провинцию, и гораздо меньше внимания (и господдержки) достается старым регионам нефтегазодобычи, еще не сказавшим своего последнего слова и имеющим развитую производственную и социальную инфраструктуру. Но к такому походу нужно очень тщательно готовиться: в Арктике, как ни в одном другом регионе мира, России, как ни одной другой стране, необходимо думать не только о дороговизне и технической сложности начинания, но и об ущербе, который может быть нанесен северной природе.

Наши нефтяники и газовики, в отличие от многих своих зарубежных коллег, пока не полностью готовы к тому, чтобы видеть в природоохранной деятельности важный фактор повышения своей конкурентоспособности и успешно сочетать экологическую и экономическую составляющую проекта. И наше правительство, в отличие от правительств развитых стран, еще не умеет создавать

условия, при которых компаниям не только не выгодно нарушать экологическое законодательство, но и выгодно его соблюдать.

Новому подходу к экологическому менеджменту, экологической ответственности и культуре производственной безопасности (не самым сильным российским национальным особенностям) можно научиться лишь благодаря совместной каждодневной работе с экологически продвинутыми иностранными коллегами.

А пока наши корпорации и правительство не проникнутся новым менталитетом, может, и не стоит спешить «втягиваться в гонку амбиций покорителей Арктики». Ведь внимание всего мира будет приковано к событиям в Арктике, где любое экологическое нарушение сразу станет достоянием гласности, подрывая международный имидж России как гаранта мировой энергетической безопасности и конкурентные позиции наших нефтегазовых компаний.

Нина ПУСЕНКОВА

Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН,
руководитель Форума «Нефтегазовый диалог»

ЗАЧЕМ МЫ ТАК ПОДСТАВИЛИСЬ?

В феврале 2012 года на российской презентации данного доклада в Москве в ИМЭМО я был кем-то вроде приглашенного оппонента. Я благодарен авторам за их готовность к открытой дискуссии, но при этом совершенно не согласен с предложенной методологией. Судите сами — у вас в стране варварский налоговый режим, который совершенно не стимулирует ни реанимацию старых месторождений, ни инвестиции в

новые. Однако если вы его поменяете, то это тут же будет названо субсидией.

В итоге возникает глупая ситуация: отрасль, обеспечивающая половину всех бюджетных доходов, объявляется получателем бюджетных субсидий! С точки зрения формальной логики это полный абсурд. Выходит также, что если вы однажды приняли ошибочные налоговые решения, то вы не можете их изменить — потому что любые правки будут названы субсидией.

Весьма лукавой выглядит и идея о том, что добычу в Арктике можно заменить на более полное извлечение нефти на старых месторождениях Западной Сибири. Потому что это опять же невозможно в рамках действующего фискального режима, а если вы его поменяете, то в рамках данного подхода это будет не чем иным, как все той же субсидией.

Рост добычи в России возможен только при другой налоговой политике, но методология доклада налагает на это жесткое табу. В реальности мы сталкиваемся не с чем иным, как с очередной попыткой недобросовестной конкуренции между углеводородами и другими энергоносителями и искусственной дискредитацией нефти и газа.

Другое дело — почему наши чиновники подписывают различные конвенции, которые наносят откровенный

вред ключевой отрасли российской экономики? Я не возьму в толк, зачем было соглашаться с методологией, которая нам не выгодна по определению. Как вообще можно было принимать обязательства в сфере «рацио-

Доклад создает глупую ситуацию: отрасль, обеспечивающая половину всех бюджетных доходов, объявляется получателем бюджетных субсидий!

нализации и, в среднесрочной перспективе, устранения неэффективных субсидий, стимулирующих расточительное потребление ископаемых топлив»? Тут сами же формулировки говорят о изначально дискриминационном подходе к углеводородам.

И второе — почему наши чиновники подписывают различные конвенции, которые наносят откровенный вред ключевой отрасли российской экономики?

Самое пикантное в этой «истории» заключается в том, что все обязательства подписывались при непосредственном участии тогдашнего «шерпы» в G8 и G20 Аркадия Дворковича, который ныне является... вице-премьером по ТЭК! Вот теперь бы и услышать от нового куратора отрасли, зачем мы так подставились. Но лучше уж вовремя одуматься, чем продолжать вязнуть в этом интеллектуальном капкане.

Константин СИМОНОВ

Генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности

УПАСИ ВАС БОЖЕ ПРИНЯТЬ ДОКЛАД ЗА ЧИСТУЮ МОНЕТУ

Формулировка альтернативы — «экстенсивная» Арктика или «интенсивная» Тюмень? — напоминает наивный детский вопрос: «Ты кого больше любишь: папу или маму?» Противопоставление крайне странное. Государство должно было бы создавать условия, которые делали бы выгодной работу инвесторов и на суше, и на море.

«Перекося в пользу субсидирования разработки новых месторождений» — это когда налоговые льготы помогают вывести проекты из убыточности на грань рентабельности? Вот тебе пять рублей, и ни в чем себе не отказывай?!

Кстати, одно из значений слова «субсидия» — матпомощь. Всегда ли налоговые послабления, льготы или даже каникулы означают именно субсидирование? Если вы не хотите покупать батон за 50 рублей, но готовы купить его за 20, то означает ли это, что продавец «субсидировал» вас на 30 рублей? Или они просто у него «выпали» из бюджета? А может быть, к нему вернулся здравый смысл, и он решил продавать согласно условиям, сложившимся на рынке?

Если государство сначала задрало налоговую планку до запретительного для конкретных проектов уровня, а потом начало ее опускать, обнаружив инвестиционный паралич и позволяя компаниям получить хоть какую-то прибыль, то является ли такое отступление демонстрацией немислимой щедрости?

Может ли выход в Арктику быть экстенсивным? Авторы совместного исследования Всемирного фонда дикой природы и Международного института устойчивого развития (далее — Доклад) уверяют, что к такому выходу страна, как и ее соперники по гонке, не готова, но отказывают ей же в неизбежном научно-технологическом прорыве при выходе на арктический шельф. Поэтому справедливая мысль о том, что «не зная броду, не суйся в воду», убивается негодной аргументацией. Северное море как-то ведь разработали... А рвануло как раз на юге — в Мексиканском заливе...

Жонглирование словами «субсидирование», «природная рента», «выпадающие доходы бюджета», «издержки» и т.п. наглядно показывают, что их смысл остается темен для авторов Доклада. Они уверяют, что налоговые условия в России конфликтуют с международными обязательствами РФ, путая запрет на стимулирование потребления со стимулированием предложения...

Это все равно, что перепутать доходную и расходную части бюджета на том основании, что между ними есть очевидная связь... Да и то, означает ли все эти европейские «рационализировать и, в среднесрочной перспективе, устранить неэффективные субсидии, стимулирующие расточительное потребление ископаемых топлив», что нужно устранить вообще все субсидии, а не только «неэффективные»?

Недавно глава Комитета по бюджету и налогам Госдумы Андрей Макаров в связи с попыткой снять в Госдуме с рассмотрения законопроект о евробондах саркастиче-

ски заметил журналистам: «В России, как известно, две беды — инфраструктура и менеджмент, а у российской налоговой системы всего одна — Сергей Дмитриевич Шаталов».

Ну, что касается налоговой реформы ТЭК, то ее отец, как пафосно подчас называют С.Шаталова, не различает налоги и арендные, а точнее рентные, неналоговые платежи и исходит из того, что такие платежи — это ненормальное исключение из правил... Отсюда и все беды с отсутствием эффективного дифференцированного налогообложения в недропользовании и искажение конкурентной среды в отрасли, когда одним достаются вершки, а другим корешки.

Справедливая мысль о том, что «не зная броду, не суйся в воду», убивается негодной аргументацией

Вот об этом нужно было бы говорить, когда кто-то хочет обсуждать проблему природной ренты, авторы же Доклада сеют иллюзию, что есть доброе государство, которое щедро раздает субсидии, и неблагодарные инвесторы, которые и без того пребывают в страшной рентабель-

Жонглирование словами «субсидирование», «природная рента», «выпадающие доходы»... показывает, что их смысл остается темен для авторов Доклада

ности, но хотят еще больше. И тут же следует прямо противоположное утверждение: «Правительство крайне неохотно идет на уступки, позволяющие снизить фискальную нагрузку в сфере добычи углеводородного сырья». Для госкомпаний или для всех «в сфере»?

Эх, если бы природа могла говорить... «Избави меня от таких друзей, а с врагами я и сама как-нибудь...»

Когда принимаются законы, делающие владельцами лицензий месторождений на шельфе только две госкомпании, которые автоматически становятся налогоплательщиками, а потом принимаются льготы для компаний, работающих на шельфе, то комментарии излишни.

Как можно разглагольствовать о каких-то «субсидиях», напроць позабыв, что при СРП происходит не освобождение от налогов, а обменная операция

В Докладе утверждается, что компании стремятся переложить значительную часть издержек на свои правительства, как будто они предполагают получить заоблач-

ные прибыли... А если нет, то почему издержки «переключаются»? Создаются условия для рентабельной разработки. И не более того! Жестокое искушение для экологических «шариковых» — это желание заигрывать с властями и пытаться чуть пограбить промышленников. Эх, если бы природа могла говорить... «Избави меня от таких друзей, а с врагами я и сама как-нибудь...»

«Помимо нефти и газа, добываемых на условиях стандартных фискальных режимов на федеральном и региональном уровнях, в России также ведется производство углеводородов в рамках трех соглашений о разделе продукции: «Сахалин-1», «Сахалин-2» и «Харьга». Путем сравнения условий СРП с национальным режимом налогообложения совокупный размер субсидий, предоставленных на основе соответствующих соглашений, в исследовании оценивается на уровне \$5,4 млрд в 2008 году, \$3,5 млрд в 2009 году и \$4,9 млрд в 2010 году». Фраза получилась нескладная: то ли нефть и газ добываются «на федеральном и региональном уровне», то ли есть много «стандартных фискальных режимов» для компаний, которые «производят» углеводороды?! Но главное — это, конечно, не форма, а содержание.

Оставим на совести авторов, что СРП будучи частью российского законодательства, оказались у них за рамками «национального» режима. Забудем на время и о совершенно особых в СРП механизмах учета и контроля, а также — способе формирования затрат, благодаря кото-

рому инвестор платит государству не только налоги, но еще и «сухим пайком» — имуществом, которое сразу после возмещения расходов на его создание переходит в собственность государства.

Ну как можно разглагольствовать о каких-то «субсидиях», напрочь позабыв, что при СРП происходит не освобождение от налогов, а обменная операция «налоги — на раздел продукции», а потому появляется невиданный для лицензионных проектов дополнительный платеж «доля государства в прибыльной продукции», а компании трех СРП, отмеченные авторами Доклада, платят еще и налог на прибыль в размере 32–35%?! Эти СРП были подписаны в 1994 году, и всем тем, кто берется писать на эту тему, можно было бы за прошедшие 18 лет найти время на ликвидацию собственного невежества. Или нет?

Иногда информация, представленная в Докладе, интересна и наводит на размышления, иногда — не более чем выдернутый из контекста фрагмент, по которому совершенно невозможно судить о явлении. Как в компиляции первокурсника, который сгреб в одну кучу все известные ему факты, не замечая, что подчас они являются взаимоисключающими. Поэтому, упаси вас боже принять Доклад за чистую научную монету.

Михаил СУББОТИН

Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, директор консалтинговой компании «СРП-Экспертиза»

ОБРАЗЕЦ СЛОВОБЛУДИЯ

Уже не первый раз наблюдаю, как международные экологические организации используются в конкурентной борьбе западными государствами и компаниями. Помните, какой истошный крик поднялся по поводу строительства нефтепровода ВСТО в 800 метрах от Байкала? Он обошелся «Транснефти» примерно в \$2 млрд. Но никто на Западе и не подумал ликвидировать свои переходы нефтепроводов через важнейшие реки. Теперь на лоббировании интересов транснациональных компаний решил подзаработать Фонд Дикой природы.

В данном случае идет игра с цифрами и словами. *Субсидии — это выплаты потребителям, предоставляемые за счет государственного или местного бюджета.* Кто-нибудь из нас получал деньги на оплату газа или электроэнергии? Никто не получал. Так кому и зачем понадобилось наводить тень на плетень?

В докладе содержатся четыре прописных истины, которые ясны даже дикому ежу:

- из-за низких цен на энергоносители Россия расходует их недостаточно экономно;
- у нас низкая доходность государственных нефтегазовых компаний;
- мы никак не стимулируем методы повышения нефтеотдачи;
- мы сжигаем очень много попутного газа.

К слову, в последнем вопросе ситуация быстро меняется. В этом году предприятия за сверхнормативное сжигание газа стали платить такие штрафы, что все экстренно начали разработку проектов его утилизации.

Недорогая энергия останется конкурентным преимуществом нашей промышленности: и это многим не нравится

В остальном же «доклад Дикого фонда» представляет собой *образец словоблудия*. Да, у нас действовала льгота на освоение Ванкорского месторождения. Это позволило нам загрузить трубопровод ВСТО и выполнить обязательства по договору с Китаем. Господа, вы намерены учить нас, как нужно выполнять свои обязательства?

«Доклад Дикого фонда» представляет собой образец словоблудия, еще один способ ошельмовать Россию

В качестве «субсидий» притягиваются за уши налоговые льготы, государственные расходы на региональную геологию, недостаточная доходность государственных нефтегазовых компаний (!!!) и даже расходы на охрану окружающей среды. Я не вижу в этом ничего иного, как еще один способ ошельмовать Россию, а заодно и другие развивающиеся страны.

У сильного всегда бессильный виноват. Начнем мы сейчас стимулировать повышение нефтеотдачи налоговыми льготами — тут же обвинят в «предоставлении субсидий». *Невероятное лицемерие* авторов состоит еще и в том, что они «не замечают» огромного налогового прессы в нефтяной отрасли. Его надо сокращать, но как только в этом направлении были сделаны первые шаги, последовали обвинения в «субсидиях».

Корни этой нелюбимой возни мне лично вполне понятны. Россия вступает в ВТО, сохранив высокие экспортные пошлины на энергоносители. Недорогая энергия

останется конкурентным преимуществом нашей промышленности. Предстоящее освоение шельфа северных и дальневосточных морей также способствует повышению роли страны в мире. И это многим не нравится.

Ничего, господа, потерпите. По части навешивания лапши на уши вы большие мастера. Но мы вас послушаем, а делать будем по-своему.

Александр ХУРШУДОВ

К.т.н., член-корреспондент МАНЭБ,
независимый эксперт

УДЕЛЯТЬ ОДИНАКОВОЕ ВНИМАНИЕ

Этот животрепещущий вопрос будоражит общественность уже более ста лет в контексте разведки и добычи нефти в том или ином уголке планеты. История учит нас тому, что компании, исследующие новые рубежи, сознательно идут на высокий риск в обмен на потенциально высокую награду. Поэтому бурные дебаты о начале освоения российской Арктики — всего лишь новая глава в долгой истории расширения границ добычи нефти.

Много времени, сил и средств также ушло на разработку месторождений сланцевых газа и нефти в Северной Америке. Причем, значительные усилия были потрачены на нерентабельные проекты. Однако динамика добычи сланцевого газа в США в последние годы наглядно доказывает, что успешные проекты быстро перекрывают неудачи.

Безусловно, если российское правительство одобрит подобные проекты, в рамках стратегии энергетической безопасности на разведку новых территорий, в том числе

в зоне Арктики, будут направлены миллиардные инвестиции, но никто не гарантирует, что они окупятся.

Успешная стратегия для компаний, которые могут позволить инвестиции такого уровня на освоение ранее не

Бурные дебаты о начале освоения российской Арктики — всего лишь новая глава в долгой истории расширения границ добычи нефти

исследованных территорий, заключается в том, чтобы уделять одинаковое внимание поиску новых месторождений и эксплуатации/разработке существующих месторождений. Акционеры компаний, специализирующихся на разведке и добыче, как правило, стремятся соблюсти оптимальный баланс между разрабатываемыми и потенциальными месторождениями, а также проектами на стадии разведки.

Дэвид ЭРНСБЕРГЕР

Директор Platts по глобальным рынкам нефти

ПОСЛЕДСТВИЯ ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЙ

Действительно, большинство углеводородных гонок России за последние годы (особенно гонка за лидерство в мировой добыче нефти) пока напоминают советский анекдот, заканчивающийся словами: «Догнать-то мы Запад догоним, а вот перегонять не стоит — а то заплаты увидят на задку». И ведь далеко ходить не надо — в совсем недалеком прошлом именно гонка, правда, несколько иного плана, подорвала

силы нашего государства, которое хотя и называлось по-другому, но принципы управления имело те же.

И вот снова «имперские амбиции» высшего руководства страны толкают нефтегазовую отрасль на довольно рискованный шаг. Ведь кроме огромных капитальных затрат, окупаемость которых пока под вопросом, мы получим ис-

точник повышенной опасности, и не где-нибудь, а в арктических водах. И даже если будут соблюдены все требования техники безопасности при эксплуатации месторожде-

Снова «имперские амбиции» высшего руководства страны толкают нефтегазовую отрасль на довольно рискованный шаг

ний, все же возникают сомнения по поводу целесообразности этих арктических проектов. Почему-то на ум приходит хрущевское распаивание целинных земель со всеми его быстротечными плюсами и долгосрочными минусами.

В мире существуют методики оценки природных (именно экологических) богатств регионов и отдельных природных объектов с переводом этой стоимости в денежный эквивалент (в России этим, в частности, занимается АНО НИПИ «Кадастр»). И хотя на настоящий момент офици-

альной оценки по арктическим морям нет, но бесспорно одно: Арктика — это уникальная природная зона, влияющая на климат всей планеты. Так что даже в первом приближении денежная «стоимость» объектов огромна.

При этом, к примеру, авария на Deepwater, по некоторым оценкам, могла быть одной из причин изменения течения Гольфстрим. Нарушение же арктического баланса может привести к более существенным изменениям климата, а какие экономические потери будут стоять за этим, остается только предполагать. Так что возникает вопрос: готовы ли мы взять на себя все эти риски? И не получится ли так, что попытка стать «гарантом мировой энергетической безопасности» обернется для России результатом, описываемым знаменитой черномырдинской фразой?

Что же касается вопроса выбора дальнейшего пути развития нефтегазовой отрасли — экстенсивный или интенсивный, — то здесь тоже все довольно ясно, просто надо помнить несколько цифр. Первое — потенциал энергосбережения в РФ по отдельным отраслям составляет 20–40%, второе — 1 кВт сэкономленной электроэнергии в три раза дешевле вновь сгенерированной. Так что при более эффективном использовании газа (плюс 95%-ная утилизация ПНГ) будут высвобождаться десятки миллиардов кубометров этого ценного сырья.

То же и по нефти. Увеличение КИН всего на 0,01 (сейчас в РФ данный показатель в среднем 0,29) равносильно открытию крупного нефтяного месторождения. Поэтому предполагаем, что основной акцент в кратко- и средне-

Готовы ли мы взять на себя все имеющиеся риски? Хотим стать «гарантом мировой энергетической безопасности», а получим — как всегда?

срочной перспективе надо делать все-таки на интенсификацию добычи. А имперские страхи («если мы не начнем, то упустим лидерство») отложить в дальний ящик — с Россией уже считаются с определенными оговорками, и если РФ хочет продолжать оставаться значимой фигурой на мировой арене, то защищать ей сейчас надо другие фланги.

Сергей ЮРОВ

руководитель аналитического отдела ИК «БАРРЕЛЬ»

Анна АННЕНКОВА

старший специалист

НОВОЕ ИЛИ ХОРОШО ЗАПУЩЕННОЕ СТАРОЕ?

Задаваясь вопросом, что наиболее рационально — выход с геологоразведочными работами в новые регионы (в первую очередь, на Арктический шельф) или реализация мероприятий по более полному извлечению углеводородов на существующих месторождениях, — необходимо учитывать несколько обстоятельств.

Излишний оптимизм оценки новых регионов

Потеря геологоразведочного энтузиазма в зоне магистрального трубопровода ВСТО связана с неоправданностью оптимистических надежд на открытие в регионе гигантских месторождений. Доля восточносибирской нефти в заполнении трубопровода ВСТО не превысит 50% от пропускной способности 50 млн тонн в год, да и то в течение краткого промежутка времени.

Очевидно, что после выхода трубопровода на проектную мощность в 80 млн тонн его будет целесообразно переименовать из ВСТО в ЗСТО (Западная Сибирь — Тихий океан), ибо уже сейчас очевидно, что строительство трубопроводов-перемычек, которые соединяют трубопроводы с месторождений Западной Сибири с трассой ВСТО Пурпе–Самотлор, должно обеспечить экспорт именно западносибирской нефти.

Вывод из этого нефтяного примера очевидный: не имея гарантированного ресурсного обеспечения выходить с инфраструктурными проектами в новые регионы рискованно.

Если учесть, что арктический шельф (кроме части шельфа Баренцева моря) изучен недостаточно, очевидно, что достоверность ресурсной оценки, заложенной в планирование освоения шельфа, значительно повышает геологический риск.

За чем идем?

Сегодня становится очевидным, что мировой газовый рынок не обещает радужных перспектив для выхода на него с новыми объемами российского газа. Рынок Северной Америки по сути закрыт: США в обозримой перспек-

Достоверность ресурсной оценки, заложенной в планирование освоения шельфа, значительно повышает геологический риск

тиве стремятся стать нетто-экспортером СПГ. Рост потребления газа в Европе будет повышаться низкими темпами, да и европейские страны реализуют проекты как по расширению собственной добычи газа из традиционных и нетрадиционных источников, так и по диверсифи-

По оценке МПР РФ, прирост извлекаемых запасов на шельфе по категориям C₁+C₂ составит 14,7 млрд тонн у.т., но 90% придется на газ: куда нам его девать?

кации поставок. Растущий рынок АТФ также не бездонен, при этом ожидается рост добычи газа в Китае, и на этот

же рынок ориентированы новые проекты СПГ — Австралия, Ближний Восток, вероятно — Африка.

Что нам сулит арктический шельф? По оценке МПР РФ, сформулированной в подготовленном им проекте

Имея 60-летнюю обеспеченность добычи запасами суши, столь ли очевиден выход на преимущественно замерзающие акватории в отсутствие реальных технологий?

Государственной программы разведки континентально-го шельфа и разработки его минеральных ресурсов, прирост извлекаемых запасов углеводородов сырья на шельфе, главным образом в Арктике, по категориям C_1+C_2 составит 14, 7 млрд тонн условного топлива, но 90% придется на газ. Очевидно, что новые арктические месторождения удалены от существующей системы магистральных нефтепроводов и новых рынков сбыта, и добываемый газ будет вывозиться в сжиженном виде. Куда? В Европу или по Северному морскому пути в АТР?

Принимая решение о строительстве порта Сабетта проекта «Ямал СПГ», правительство сформулировало его назначение предельно четко: «в целях обеспечения... поставок природного газа, нефти и газового конденсата морским транспортом в страны Западной Европы, Северной и Южной Америки и Азиатско-Тихоокеанского регио-

на». С нефтью в этом районе плохо, так что — СПГ. Без ясного видения рыночной конъюнктуры...

Что оставляем?

Запасы газа «Газпрома», единолично уполномоченного для проведения работ на шельфе, только на суше составляют по категориям ABC_1 около 30 трлн m^3 . Но из них в разработку введена лишь половина запасов, 3 трлн кубов находятся на неразрабатываемых пластах разрабатываемых месторождений и почти 12 трлн m^3 — на неразрабатываемых месторождениях (разведываемых или подготовленных для промышленного освоения). Имея 60-летнюю обеспеченность добычи запасами суши, столь ли очевидна необходимость выхода на преимущественно замерзающие акватории, для которых реальных технологий в настоящее время нет?

Не менее важна и тема безудержного субсидирования шельфа. Суть в том, что предоставляя все большие и большие льготы за счет налогов и иных платежей, государство может проскочить точку невозврата, после которой реализация шельфовых проектов будет для него просто убыточна.

Михаил ГРИГОРЬЕВ

Директор ГКЦ «Гекон», академик РАЕН,
эксперт Научного совета СБ РФ

НАЙТИ ЗОЛОТУЮ СЕРЕДИНУ

Главное: весьма спорным выглядит вывод о том, что «...очевиден перекокс в пользу субсидирования разработки новых месторождений». Перекокс есть, но с точностью до наоборот: возможность сохранить свою роль на международных энергетических рынках за счет более полного извлечения нефти на существующих месторождениях осталась у России исключительно потому, что в советское время го-

сударство достаточно плотно занималось перспективными направлениями (аналогами сегодняшней Арктики). Но тот запас уже практически проеден.

И сегодня необходимо вести речь и принимать исчерпывающие меры к восстановлению (хотя бы частичному) оптимального соотношения экстенсивного и интенсивного, стратегического и тактического, найти золотую середину между проблемами ближней и дальней перспективы.

Программы интенсификации работ в традиционных районах недропользования — дело, прежде всего, самих недропользователей. У них огромный фронт работ по освоению больших глубин, фундамента любого возраста, по изучению «агрессивных» отрицательных структур, тектоноблендеров, по поиску новых горизонтов на «старых» месторождениях и т.п.

Поэтому обязательно стоит и придется потратить пусть и немалые миллиарды долларов не только для того, чтобы считать себя гарантом мировой энергетической безопасности, а скорее для того, чтобы обеспечить свою

собственную безопасность, не втягиваясь в гонку амбиций покорителей Арктики, а возглавив этот процесс в лучших российских традициях. А уже потом рассмотреть возможность поддержания различных программ интенсификации работ недропользователей. Поскольку, как отмечено в статье, расходы российских ВИНК на добычу нефти, в том числе капитальные затраты, остаются намного ниже, чем у крупнейших международных нефтяных компаний и ведущих представителей отрасли в других странах с быстрорастущей экономикой, благодаря чему россий-

Обязательно стоит потратить миллиарды, чтобы обеспечить собственную безопасность, не втягиваясь в гонку арктических амбиций, а возглавив этот процесс

ские нефтегазовые компании получают сверхприбыль, постольку такой подход представляется вполне реальным и рациональным. Утверждать иное — недальновидно и чревато сползанием в компанию временщиков.

Нельзя забывать о том, что существует еще и третий тренд, тяготеющий к первому и где-то даже конкурирующий с ним. В России имеются огромные площади регионов, где неоднократно предпринимались попытки найти нефть и газ, но, увы, без особых результатов, хотя, казалось бы, были обнаружены свидетельства всех основных необходимых условий образования и сохранения скоплений УВ.

Результаты этой незавершенки, этих тупиковых направлений нефтегазопоисковых работ остались памятниками неадекватности геологического мышления и реальных нефтегазопоисковых объектов и надолго (если не навсегда) оставили эти регионы в группе неясных перспектив (Московская, Мезенская синеклизы и др.). Географическое положение и инфраструктура привлекают доступностью и дешевизной освоения ресурсов УВ. Дело за малым, и не очень затратным: за идеологическим перевооружением, за сменой парадигмы, за новыми геологическими моделями (см. №№4 и 7 НГВ'12). И без организующей и финансирующей роли государства здесь не обойтись.

То, что «...экологи крайне обеспокоены решимостью энергетических компаний осваивать недра Арктики, невзирая на отсутствие надежных технологий по предотвращению и ликвидации разливов нефти в арктических ледовых условиях», — это нормально. Но смешно думать, что это может как-то остановить процесс. Притормозить — да, стимулировать появление антиаварийных мер и средств — многократно да, но Арктика — это уже неизбежность, судьба многих стран, причастных к этому региону и даже далеких от него.

В статье отмечено, что в ряде стран субсидирование направлено на стимулирование поисково-разведочных

Субсидирование стимулирования поисково-разведочных работ с ощутимым эффектом — сложная и важная задача для недропользователя и государства

работ с ощутимым эффектом, и это является ключевым моментом, заслуживающим пристального внимания. Минимизация рисков разведки по всем направлениям — сложная и важная задача, являющаяся главной для недропользователя и государства и заслуживающая особого режима стимулирования.

Валерий КАРПОВ

Начальник отдела технического консалтинга и исследований месторождений УВС ООО «ИИТиМУН», заслуженный геолог РФ, к.г.-м.н., эксперт России по недропользованию (НАЭН)

С УЧАСТИЕМ ЧАСТНЫХ КОМПАНИЙ

Я совершенно не согласен с утверждением о том, что мы будем «терять многие миллиарды долларов». Да, сначала мы будем тратить деньги, так как проект такого масштаба может реализовываться только постепенно. Но зато потом, когда начнется добыча нефти и газа с арктического шельфа, эти инвестиции многократно окупятся.

Основных побудительных мотивов два. Во-первых, запасов УВС на шельфе в разы больше, чем на суше, хотя и добывать их там труднее. А, во-вторых, в последние несколько лет борьба за различные ресурсы в мире обострилась, и добыча углеводородов на российской части арктического шельфа — это еще и инструмент мировой геополитики, способ обозначить наши законные притязания на часть природных богатств полярного региона.

Это не означает, что надо «закрывать» добычу на суше, ведь появляются новые технологии добычи, есть ещё весьма крупные месторождения, разработка которых либо еще не началась, либо только стартовала.

Такая работа на «два фронта» — непростая задача, поэтому федеральным властям как раз и надо создать такие

У всех российских компаний должен быть равный доступ к природным богатствам еще и потому, что это повысит конкуренцию в отрасли

экономические условия, вести такую фискальную политику, чтобы нефтяники и газовики не только могли добывать полезные ископаемые, но и возвращать льготы сторицей. Привлечение к освоению шельфа «частников» я считаю не только желательным, но обязательным делом.

Дмитрий БАРАНОВ

Ведущий эксперт УК «Финам Менеджмент»

БЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Вообще говоря, два пути сохранения роли России на энергетических рынках, обозначенных в исследовании, друг другу не противоречат. Очевидно, что оптимизировать и сокращать издержки по добыче и транспортировке нефти на существующих месторождениях необходимо в любом случае. И государство может и должно найти правильные стимулы для этого. Но делать это можно и параллельно с освоением новых месторождений, будь то месторождения Восточной Сибири или в Арктики.

Другое дело, что вызывает вопросы целесообразность арктических проектов. Совершенно справедливо, что они требуют огромных вложений, и чтобы быть рентабельны-

ми, им необходима высокая цена на нефть в реальном выражении в течение длительного времени.

А в миф о неизбежном и стремительном сокращении количества ресурсов на глобальном уровне, который вместе с изобилием дешевых денег поддерживал сырьевой бум, уже мало кто верит, поэтому захеджировать долгосрочные ценовые риски на приемлемом уровне на текущем рынке практически невозможно.

Александр КОВАЛЕВ

Аналитик «ТКБ Капитал»

В БОРЬБЕ ЗА АРКТИКУ

Российским законодательством установлено максимум 12 лет на проведение геологоразведочных работ на лицензионных участках, полученных в пользование, включая поисково-оценочный этап, однако часто эти сроки нарушаются либо пересматриваются в пользу увеличения.

Стоит отметить, что еще более продолжительным по времени является решение транспортно-логистического вопроса. Так, первые обсуждения перспектив формирования трубопроводной инфраструктуры на Востоке России начались в середине 1960-х годов, и только строительство в 2008 году нефтепроводной инфраструктуры в Восточной Сибири позволило увеличить добычу с 1,5 млн тонн в 2008 году до 27,2 млн тонн в 2011 году.

Таким образом, чтобы поддержать добычу нефти и газа на запланированных высоких стабильных уровнях до 2050 года, необходимо проводить активные поисковые, геологоразведочные работы уже в настоящее время.

Следует учитывать также, что в связи с уникальностью объектов освоения в мире слабо развит рынок апробированных технологий добычи, обустройства и транспорта углеводородов для месторождений арктических морей. Существует ряд нерешенных технологических вопросов —

транспортировка мультифазных потоков на большие расстояния, подводное обустройство, выработка электроэнергии под водой, увеличение дедефта шаттл-танкеров (челноков) и др. Их решение для России может стать драйвером инновационного развития, укрепит демографическую и социально-экономическую ситуацию регионов Севера.

Отмечаемый дисбаланс в пользу государственного стимулирования шельфовых проектов является политически мотивированным решением

Повышенный интерес к освоению Арктики, действительно, вытесняет решение актуальных для нефтегазового комплекса страны вопросов повышения рентабельности освоения месторождений, находящихся на стадии падающей добычи, месторождений с низконапорным газом, трудноизвлекаемых углеводородов и др., но, тем не менее, это никак не связано с целесообразностью освоения арктической зоны. В вопросах освоения арктических шельфов где межгосударственная борьба уже довольно ярко выражена

Ирина ФИЛИМОНОВА

Ведущий научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, заместитель заведующего кафедрой политической экономики Новосибирского государственного университета

СТИМУЛ КАК ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Пока сам термин «потери» применительно к арктической эпопее носит весьма условный характер, т.к. на этапе проведения геологоразведочных работ значительные, несколько миллиардов долларов, финансовые ресурсы будут инвестироваться западными партнерами «Роснефти» (ExxonMobil, Statoil, Eni и, возможно, кто-то еще). И в случае успешного проведения ГРП (а, как известно, лучший друг геолога — это долото) «потери» могут стать инвестициями.

Понятно, что реализуемые в Арктике «Роснефтью» совместные проекты носят венчурный характер с длительными сроками реализации и наличием существенных рисков, а говорить об их эффективности/неэффективности можно будет по завершению геологоразведочных работ. При этом, если вспомнить исторические параллели, то теория, высказанная академиком И.М.Губкиным относительно перспектив нефтегазоносности Западной Сибири, также имела достаточно противников, однако сегодня этот регион является основой углеводородной базы РФ.

Как бы то ни было, в нынешних реалиях выбранная форма начала работ в Арктике (государство не несет пря-

мых финансовых потерь, и средства на проведение ГРП выделяются самими недропользователями) является достаточно разумной. Что же касается предоставления льгот, то не стоит забывать о том, что наполнение бюджета — это не единственная задача государства в области экономики. А фискальное стимулирование работ, которые, безусловно, могут создать мультипликативный эффект для смежных отраслей и занятости, в условиях ожидаемых высоких издержек на освоение (более \$20/барр) выглядит жизненно необходимым.

Отсутствие кардинального прорыва в работе на brownfields в Западной Сибири не имеет прямой причинно-следственной связи с освоением Арктики

Как следствие, я уверен, что в части освоения российского шельфа государство пока не допускает серьезных ошибок (хотя, возможно, имеет смысл расширить присутствие на шельфе за счет не только государственных, но и национальных российских компаний).

Денис БОРИСОВ

Начальник отдела анализа нефтегазового сектора НОМОС-БАНКа

26-28 сентября 2012 года
г. Казань

II Международная отраслевая конференция

От простых операций – к интеллектуальному сервису в процессах добычи, сбора, подготовки и транспортировки нефти

Темы для обсуждения на конференции

1. Взаимосвязь процессов нефтедобычи и их влияние на основные показатели деятельности заказчика.
2. Взаимное влияние процессов нефтедобычи на примере комплексной химизации месторождений.
3. Распределение зон ответственности при различных уровнях управления процессами.
4. Автоматизация – способ обеспечения эффективности, прозрачности и контроля работы подрядчика.
5. Новые технологии – драйвер изменения подходов к управлению процессами.

Участники конференции

- Российские нефтяные компании и нефтегазодобывающие предприятия
- Российские сервисные компании
- Иностранные инжиниринговые компании (разработчики новых технологий для нефтяной отрасли Северной Америки)
- Крупнейшие мировые производители химии и оборудования
- Ведущие отраслевые НИИ, профильные факультеты крупнейших российских ВУЗов
- Авторитетные российские и международные консалтинговые компании — аналитики нефтегазовой отрасли

Участники предыдущей конференции

По всем вопросам участия в конференции обращайтесь:

Шаяхметова Зухра, тел.: (843) 537-23-93, доб. 2051

Алексейченко Ксения, тел. (843) 537-23-93, доб. 2052

info@mirrico.com, www.mirrico.ru

Организатор:

Информационная поддержка:
журнал «Нефтегазовая вертикаль», журнал «Нефтяное хозяйство»

